

Илья Фаликов

Прошлый год

* * *

Не совсем понимая, что ты старик,
прибережь напоследок осенний крик,
прокричать на потребу родных осин,
где остался столице старой
от прудов Патриарших — всего один,
с лебединой всего лишь парой.

Если лиственный отодвинуть хлам
от дорожек, ведущих в укромный храм,
да порыться в компе, уничтожив сор,
на который всю жизнь угробил, —
почитай, остановится твой курсор,
ещё бьющийся между рёбер.

Торопиться не стоит, и так оно
жухлой опалью стало, твоё руно.
Под железной метлой ледяных дождей
не горят купола сусалью.
Занавешено лежбище лебедей
шалью, шалью, двойной печалью.

* * *

Образ страха — листва на ветру,
эта мелкая дрожь,
эта красная смерть на миру,
пропадёшь ни за грош,
северняк, а не ласковый бриз,
быстрый взгляд рифмача
на осеннее дерево из
кабинета врача.
Поголовно садовый стриптиз,
лихорадочный взгляд
на осеннее дерево из
медицинских палат.

Фаликов Илья Зиновьевич — поэт, прозаик, эссеист. По образованию филолог. Автор десяти книг лирики, четырех романов в прозе, двух сборников эссеистики и четырех книг в серии «Жизнь замечательных людей». Лауреат нескольких литературных премий. Постоянный автор «Дружбы народов». Живет в Москве.

* * *

Я забыл свою первую строчку...

Владимир Соколов

Перед светлой памятью собрата
в параллельном будущему сне
виноват за то, что виновата
строчка, от него уйдя ко мне.
Он простил — казалось, что навеки, —
оказалось, что не на века,
там, где хлещут огненные реки,
протекает белая река,
по которой в выдолбленной лодке
он плывёт, по-прежнему высок,
но вороньей трапезы оглодки
и хромая тень его походки
падают на каменный песок.
Слышен гулкий стук дубовой трости,
а не тихий трепет тростника.
Чуешь запах дюн, зовущий в гости
с возвращеньем не наверняка?

* * *

Мерзость нищеты и прочий факт,
состоящий в том, что ты не хват
и не сват прилавка.

Эта ли тематика стара,
выносить ли мусор со двора,
и нужна ли справка.

А словарь нуждается в «оне»,
в «аще», и в «понеже», и в «зане»,
особливо — в «паки»,

потому как планово и всласть
городская обновляет власть
мусорные баки.

Но, в контейнер выбросив пакет,
не ходи на митинг и пикет
где-то на Неглинной,
поручив давным-давно и впредь
на Арбатской площади шуметь —
стае голубиной.

* * *

В чёрной шахте встречаются эти
тени, эти сгоревшие дети,
с их отцами, сгоревшими там,
где извечно бушует метан.
Эта бездна набита битком
и залита крутым кипятком.

Воздвигай триумфальные арки
в ежедневной молитве немой,
о контактном забудь зоопарке,
о сгоревших зверушках не вой.

Отгорят поминальные свечи,
но в последней мартеновской печи
не погаснет огонь никогда,
пламя каторги, знамя труда.

Набирают из чёрного шрифта
контингент социального лифта,
и туда запускают снаряд,
где лазурные птицы парят.

* * *

Пока сверкала скатерть-самобранка,
довольно долго вдовья крестьянка
была в усадьбе властью основной,
распоряжалась дворней остальной.
На блеск очков и головной повойник
русалка, домовая или покойник
слетались въяве чаще, чем во сне.
У, сказка в старомодном шушуне.
А корень древа, в поле не обсевок,
от банной белизны дворовых девок
в гареме наваринском трепетал
Абрам Петрович, храбрый генерал.

Пока вела дела, кормила, мыла,
на кудри барчука лила елей, —
своих-то четверых она забыла —
Арина Родионовна — детей.

Домашняя коллекция

Островные этюды писали за так
переносчики воли, которых
помнят ели на скалах, барак да маяк
и зрачки крикунов чернопёрых.
Там, верна верботе, матросне, воронью,
вернисаж посетила Венера,
и на хвойные иглы бросается ню
от инъекций её диспансера.

Древесину мольбертов, осколки палитр
и кистей, в основном колонковых,
вулканическим пламенем испепелит
океан в ледовитых оковах.

Не стоит в океане кладбищенский вой,
но спецы по русалочьей плоти
с края света попадали вниз головой,
заплутали в потопленном флоте.

Никого не останется, и ничего
не получат прямые потомки —
лишь на стенах ночного жилья моего
бьются тени, пронзая картонки.
Неизбежно полезу на свой потолок
по картинкам, развешенным криво, —
есть в искусстве прок и последний прыжок
в горловину залива с обрыва.

* * *

Для того чтобы так не страдать поутру,
не ходи под луной в одиночку.
Слава богу, не снится уже кенгуру.
Позабудь австралийскую ночь.
Снизойдёт просветленье на оба зрачка,
затуманенных недоуменьем.
Соскочи с каторжанского материка
на порывистом зюйде весеннем.

Наблюдается в каменноугольной тьме
самородная звёздная россыпь,
и содержит детину в набрюшной суме
молодая прыгучая особь.
Для чего Южный крест заливал каторжан
и разинута пасть крокодила?
Для чего пешеход уходил в океан?
Таял лёд — или боль проходила?

Оттого, что вулкан по соседству прожёт
семь небес и рассвет разливанный,
совершается вновь материнский прыжок
сквозь кошмарные сны и лианы.
Намозолив ступни о земную кору,
существует поверх похоронок
кенгуру, кенгуру, кенгуру, кенгуру
и сосущий ее кенгурёнок.

Кругосветной лазури положен предел,
багровеет морская пучина.
То ли звук, то ли камень огня пролетел
от Австралии до Сахалина.
Трус и глад на земле, бой стекла на обед
и внутривидовые разборки —
то ли зверь, то ли поезд, летящий на свет
из крошечной подземки подкорки.

* * *

Как первая затяжка после сна,
ночь глубока. Поэзия темна.
Курцу грозит ускоренный финал,
иначе бы дымить не начинал.
Уже не остаётся серых зон,
поскольку на дворе — осенний сон.

Дым коромыслом — в левом рукаве,
тогда как в правом — завтрак на траве.
Допьём-дожрём в штанах и пиджаках,
и только ню останется в веках.
Отечественной кисти импресью.
Поэзия присутствует при сём.